

в некоторых изданиях повести Булгакова, в том числе в собрании сочинений, печатаются не «Курий дох», а «Куриный дох». В цитируемом нами издании текст подготовлен к печати М. О. Чудаковой и к тому же указанное место совпадает с текстом в издании Э. Проффер [14, с. 75], пользовавшейся машинописной копией повести с авторской правкой М. А. Булгакова.)

В свете всего сказанного понятно, что изображаемые события и происходят в «заштатном городке, бывшем Троицке, а ныне Стекловке, Костромской губернии Стекловского уезда (...) на бывшей Соборной, а ныне Персональной (в другом варианте: ныне Карлорадековской [13, с. 61; 14, с. 75; 15, с. 698]. — С. Н.) улице» [11, с. 63]. Здесь, что ни слово, то иносказание. Бывшее название городка *Троицк* намекает на Троицкое подворье в Москве, где находился патриарший дом и откуда патриарх был удален, после чего в его покоях разместилось Высшее церковное управление, самочинно учрежденное обновленцами. Новое название городка *Стекловск* — намек на Ю. М. Стеклова, члена ВЦИК и главного редактора газеты «Известия», задававшей тон в борьбе с церковью и публиковавшей одну за другой погромные статьи. Еще 28 марта 1922 г. газета напечатала обвинительный список церковных деятелей, первым среди которых шел патриарх Тихон, высланный вскоре в Донской монастырь, затем брошенный в тюрьму на Лубянке и остававшийся и позднее фактически под домашним арестом. Упоминание о Костромской губернии связано с митрополитом Костромским Серафимом, подписавшим в июне 1922 г. так называемый «Меморандум трех» с признанием в качестве «единственной канонически законной, верховной церковной власти» [16, с. 303—304] нового, обновленческого Высшего церковного управления, созданного под наблюдением ГПУ и пытавшегося лишить патриарха Тихона его сана и звания. Не случайно и упоминание об отце Сергии [11, с. 64], которого теперь приглашают (взамен его отстраненных предшественников) служить молебны: намек на митрополита Владимирского Сергия, также подписавшего меморандум трех (хотя позднее он, как и митрополит Серафим, изменил свое отношение к обновленческой церкви и принес покаяние). Того же рода упоминания о создании «чрезвычайной комиссии по борьбе с куриной (читай — куриной. — С. Н.) чумой» [11, с. 75], об «антикуриных (т. е. антикурийных. — С. Н.) прививках в Лефортовском ветеринарном институте» [11, с. 74, 77] (т. е. в Лефортовской тюрьме), о «самарских заградительных отрядах» [11, с. 77] и т. д.

Ироническим иносказательным смыслом наполняется и сообщение о создании взамен прежнего куроводства объединения «Доброкур»: «...правительство советских республик, не поднимая никакого шума, работало не покладая рук. Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой переименовалась в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнившись новой чрезвычайной тройкой в составе шестнадцати товарищей. Был основан Доброкур, почетными товарищами председателя в который вошли Персиков и Португалов» [11, с. 78]. Речь идет, конечно, о «живой», обновленческой церкви, созданной взамен неугодной тихоновской «курии». Название Доброкур образовано автором по аналогии с названиями таких организаций, возникших в 20-е годы, как Доброфлот (Добровольное общество содействия флоту), Доброхим, Добролет (упоминания о них встречаются и в газетных фельетонах Булгакова). Но в конкретном контексте это название получает свой смысловой оттенок — в глазах властей по сравнению с прежним, «нехорошим» и нежелательным «куроводством» новое выглядело как удобоприемлемое, «доброе».

Слова о чрезвычайной комиссии, которая создавала Доброкур, приобретают особую пикантность, если учесть, что в 20-е годы действительно существовала тайная комиссия при ЦК РКП(б), ведавшая всеми церковными делами и напрямую связанная с ГПУ (название комиссии менялось, но суть оставалась одна²).

² В 1922—1928 гг. она называлась Комиссией по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б), с 1928 по 1929 г. — Антирелигиозной комиссией при ЦК ВКП(б). До создания комиссии ее функции выполнял так называемый ликвидационный отдел Наркомюста.